

УДК 323. 1

Золотухин И.Н.

Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность

Malaysia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation:
History and Modern Time

В статье освещается этноконфессиональная ситуация, сложившаяся внутри страны, анализируется этническая структура малайзийского общества, рассматривается история формирования аборигенных и пришлых этнических групп. Отдельно рассматриваются особенности столкновений на межэтнической почве, а также политика правительства Малайзии по урегулированию межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: *бумипутра, Рукунегара, НЭП, ОМНО, цивилизованный ислам.*

In the article the ethnconfessional situation which has developed in the country is clarified, the ethnic structure of the malaysian society is analyzed, the history of formation of the indigenious and alien ethnic groups is considered. The peculiarities of the interethnic conflicts and the policy of the government of Malaysia on settlement of the interethnic conflicts are separately considered.

Key words: *bumiputera, Rukunegara, New Economic Politics, United Malay National Organization, the civilized Islam.*

Малайзия или Федерация Малайзия – государство Юго-Восточной Азии, динамично развивающегося субрегиона АТР. Малайзия входит в интеграционную группировку АСЕАН и является одним из инициаторов ее создания. За недолгую историю независимого существования страна добилась серьезных успехов в своем развитии, демонстрируя быстрые темпы экономического роста и достаточно высокий уровень жизни населения.

В то же время, Малайзия исторически является полиэтническим государством, на формирование этнической структуры которого оказали влияние миграционные процессы, торговля, миссионерская деятельность, колониальная политика западных стран. Как и для многих полиэтнических стран, для Малайзии остается актуальной проблема этноконфессиональных противоречий, хотя они не протекают столь остро как у соседей – Индонезии и Филиппин. Напротив, на протяжении 40 лет в стране не наблюдается жестоких столкновений на этнической почве. Малайзия демонстрирует внешнему миру опыт межэтнического взаимодействия, при котором делается ставка на бесконфликтное существование и компромиссы. Однако внутри малазийского общества слишком

сильны противоположные тенденции, что откладывает отпечаток на этноконфессиональную ситуацию в целом.

В географическом аспекте Малайзия состоит из двух частей, разделённых Южно-Китайским морем: Западная Малайзия, или Малайя, занимает южную оконечность полуострова Малакка. Восточная Малайзия (традиционное название – Сабах и Саравак) расположена в северной части острова Калимантан. Численность населения Малайзии превышает 25 миллионов человек (43 место в мире) [12]. Весьма разнообразен этноконфессиональный состав страны [13, с. 59]. Более 50 процентов населения Малайзии – малайцы-мусульмане. Китайцы составляют 23,7 процентов населения, большинство из которого буддисты, даосы и конфуцианцы, и лишь небольшое количество идентифицируют себя как христиане. Индийцы составляют 7 процентов населения, среди которого большинство – приверженцы индуизма и буддизма, хотя среди них встречаются сикхи, мусульмане и христиане [12]. Оставшиеся 16 процентов составляют различные этнические группы, аборигенное население Малакки и о. Калимантан, и рабочие-мигранты, большинство из которых являются индонезийцами [24, с. 26].

Население Малайзии состоит из более 180 этнических групп [19], большинство составляет коренное население или бумипутра («сыны земли») – малайцы и бумипутра-немалайцы в штатах Сабах и Саравак (11 % населения) [12]. По Конституции Малайзии, малайцы – это мусульмане, которые соблюдают малайские обычаи и традиции, независимо от расовой принадлежности [4]. Немалайские группы бумипутра составляют больше половины населения штата Саравак (из которых 30 % – это ибаны), и около 60 % населения штата Сабах (из которых 18 % – кадазан-дусуны и 17 % – баджаусы) [12]. Кроме того, на полуострове Малакка проживают группы аборигенных этносов, известных как Оранг Асли («истинные люди» – в переводе с малайского языка), численность которых составляет около 150 тысяч человек. Оранг Асли в социологическом отношении подразделяются на 3 главных группы: семанги (негрито), сенои и протомалайцы, которые, в свою очередь включают 18 субэтнических групп. Языки аборигенов относятся к австроазиатской и австронезийской языковой семье [9].

В Малайзии также проживают выходцы из стран Ближнего Востока, Таиланда и Индонезии и их потомки. Есть европейцы (например, британцы), которые обосновались в Малайзии с колониальных времен; в Малакке существует этническая общность Кристанг (малайские креолы – потомки от связей и смешанных браков португальцев и малайцев). Небольшое число выходцев из Камбоджи и Вьетнама обосновалось в Малайзии со времен войны во Вьетнаме (1965-73 гг.).

Китайцы являются второй по численности этнической общностью Малайзии, составляя порядка 6 миллионов человек населения страны [12]. История ее формирования уходит корнями в доколониальный период, когда на территорию Индокитая, Малакки и островов Малайского архипелага прибывали торговцы из Поднебесной.

Большинство китайских иммигрантов прибывали на территорию страны из южного Китая (провинции Фуцзянь и Гуаньдун). С XIX века начинается массовый приток китайцев на территорию Малайи, причем трудовые мигранты (кули) соседствовали с китайскими предпринимателями. Первоначально большинство китайцев рассматривали это место скорее как временное пристанище, но уже в начале XX века китайская община становится значимой в социально-экономическом плане, уступая в системе этнической иерархии в Малайе только англичанам. Изначально китайцы жили обособленно от аборигенов и западных колонистов, не принимая активного участия в социально-политической жизни,

занимаясь в основном ремеслами, торговлей. У малайских китайцев сформировались очень сильные землячества, сохранявшие контакты с материковым Китаем. В настоящее время большинство китайцев сконцентрировано главным образом на западном побережье Малайзии, где численность китайского населения превышает 30%, в штатах Пенанг, Перак, Селангор, Джохор, а также в столице Куала-Лумпур [19].

Большинство малазийских индийцев является потомками иммигрантов из Южной Индии, прибывшими в Малайю в период британского колониального владычества. Гораздо раньше (в XI веке) на Малайском архипелаге появляются торговцы-тамилы, которые оказали значительное культурное и экономическое влияние на развитие островов архипелага и Малакки. В XVII веке Голландская Ост-Индская Компания обращалась к тамилам как к посредникам в отношениях с населением Малайского архипелага [8]. В 1947 году подавляющее большинство (почти 99%) мигрантов из Индии были тамилами и выходцами с Юга. Небольшое число северных индийцев – пенджабцев, бенгальцев, гуджаратов и синдхов, селилось в основном в городах и очень скоро сформировало значительные деловые сообщества. В настоящее время численность индийцев достигает 2,5 миллиона человек. Большинство представителей индийского сообщества – тамилы, но также присутствуют малайялисы, пенджабцы и гуджараты [7, с. 37].

Несмотря на то, что большинство населения страны составляют мусульмане, Малайзия не является классическим исламским государством, для нее характерна формула «полиэтническое общество с доминированием малайцев», в котором всем гарантируется свобода вероисповедания [15, с. 29]. Эта формула, стала результатом постколониального развития страны, получившей независимость в 1957 году, как Малайя. Гегемония малайцев получила концептуально-политическое выражение, став результатом компромисса между основными этнополитическими силами Малайзии: ОМНО – Объединенной Малайской Национальной Организации, МКА – Малазийской китайской Ассоциации и ИКМ – Индийского Конгресса Малайзии. Немалайскому населению (китайцам и индийцам) было предоставлено признание их «законных интересов (экономических прав), права на гражданство ... и место жительства, так же как и их ... свобода сохранять, практиковать и распространять свою религию, культуру и язык» [18]. В свою очередь, малайцы «сохранили свои главные национальные символы: султанов, особое положение (статья 153 Конституции), язык (как официальный язык – статья 152 Конституции), и религию» [18].

Малайцы закрепили статус коренного населения, «бумипутра». Их особое положение по Конституции Малайзии обеспечивает верховный правитель (Янг ди-пертуан агонг). Статья 153 гласит, что те, кто «исповедует религию ислам, говорят на малайском языке, и придерживаются малайских обычаев», обладают специальными правами в трех сферах: коммунальное обслуживание, образование и бизнес, не ущемляя права других этнических групп.

Малайзия представляет собой государство религиозного плюрализма. Согласно Завави Ибрагиму, 153 статья Конституции «имеет самый важный юридический характер и является важнейшим юридическим документом, который провозглашает руководящие принципы для государства-нации в управлении как этническими процессами, так и процессами формирования национальной идентичности» [18]. Эта статья (как и 152, признающая национальным языком страны малайский) задумывалась как «этническая сделка», которая должна была выразить дух взаимной терпимости и уважения, а также защитить уникальное этническое (бангса) и расовое (каум) разнообразие Малайзии от наси-

лия, которое имеет место быть в других полиэтничных странах. Таким образом, статья 153 не только иллюстрировала взаимную терпимость и уважение среди различных этнических групп Малайзии как нечто внедренное в сознание граждан за всю историю существования Малайзии, как многообразного сообщества, но и давала основания для проведения политики мультикультурализма.

Однако соглашение между тремя политическими организациями требует тщательного анализа. Во-первых, ОМНО не желала предоставить равное гражданство немалайским сообществам из-за опасения того, что китайцы и индусы, доминирующие в социально-экономическом отношении, могли лишиться малайцев их суверенных прав. Малайцы были убеждены, что из-за колониальной политики британской администрации, способствовавшей усилению позиций китайских и индийских иммигрантов, была разрушена мирная жизнь и существовавший традиционный уклад. В результате китайцы и индийцы, разрушившие традиционные устои, стали доминировать над малайцами, эксплуатируя ресурсы страны.

ОМНО нужна была поддержка от китайцев и индусов, для того, чтобы управлять страной в качестве единого политического фронта. Кроме того, в первые годы своего существования ОМНО нуждалась в экономической поддержке со стороны богатой китайской общины для того, чтобы помочь малайцам-себянам в преодолении бедности.

С другой стороны, у китайцев и индийцев не было иного выбора, кроме как уступить согласиться на «дифференцированное гражданство», потому что для малайских руководителей было политически невозможно предоставить им равное гражданство после резкого выступления против идеи Малайского Союза [15, с. 29-31].

При премьер-министре Тенку Абдул Рахмане началась замена англичан на ответственных государственных должностях малайцами. Между тем самих малайцев беспокоило то, что количество индийцев и китайцев в их стране достигло 45 процентов. В 1963 году было создано независимое государство Малайзия, в состав которой также вошли населенные малайцами Сингапур, Сабах и Сарвак. В 1965 году Сингапур, возглавляемый Ли Куаном Ю, вышел из состава Федерации [6, с. 147].

В то же время, независимость Малайзии не снимала с повестки дня проблему бедности. Согласно Ибрагиму, «средний доход 10 процентов всех домашних хозяйств уменьшился на 31 процент, от 49 до 33 долларов в месяц за период с 1957 по 1970 годы» [18]. На первый план вышла проблема резкого экономического неравенства, и этническая принадлежность играла здесь существенную роль: в то время как значительная часть представителей китайской и британской общин продолжали процветать, малайцы и индийцы оказались в состоянии бедности. В городах был высокий рост безработицы, от которой страдали китайские и растущее число малайских мигрантов. Неспособность правящей партии создать жизнеспособный малайский средний класс стала источником безработицы среди растущего числа малайского населения в городах [18].

На фоне обострения социальных противоречий постепенно набирали силу оппозиционные партии, среди которых наибольшей популярностью среди населения пользовались левая Партия Демократического действия (ПДД), умеренное Народное движение Малайзии (Геракан Ракъят Малайзия), в которых доминировали китайцы, а также правая Панмалайская исламская партия (с 1971 года – Всемалазийская исламская партия (ПАС)), лозунги которых нашли отклик среди бедных слоев малайцев [21, с. 77]. Оппозиционеры выступали с конкретными предложениями, которые должны были коренным образом изменить status quo и направить развитие страны в благоприятное русло. В частности ПДД

выступала против специальных прав малайцев, а ПАС – за усиление позиций ислама. Лидерство ОМНО не отвечало интересам большинства населения, в том числе и малайцев, уровень жизни которых неуклонно сокращался. Малайцев беспокоил высокий процент китайцев и индийцев, и активное вовлечение китайцев в политическую сферу. Китайцы и индийцы считали, что привилегии малайцев должны носить временный характер, и все граждане должны обладать равными правами. Росло недовольство, которое к концу 1960-х годов вылилось в политический кризис, причиной которого стало поражение ОМНО на выборах. Оппозиционные партии организовали 13 мая 1969 года в Куала-Лумпуре митинг в честь своей победы, который закончился массовыми беспорядками [27, с. 29-33].

Причиной массовых беспорядков, выступлений и насилия на этнической почве во многом стало социально-экономическое неравенство. Почти 6 000 жителей Куала-Лумпура, большинство из них китайцы, лишились домов и собственности, 178 человек (главным образом китайцы) были убиты в ходе беспорядков. Неправительственные источники заявили о гораздо большем числе погибших среди мирного населения [17, с. 65]. За четыре дня ситуация стабилизировалась, хотя некоторые случаи насилия фиксировались в течение двух месяцев.

События в Куала-Лумпуре выдвинули на первый план проблемы, с которыми столкнулось молодое полиэтничное государство, изо всех сил стремящееся найти собственную идентичность и сплотить народы Малайзии.

Бунты 13 мая изменили социально-экономическую политику Малайзии. Признаком изменения курса государства стало создание Министрства национального единства, которое разработало новую идеологию Рукунегара («Договор о верности государству»). Правительством начало долгосрочный курс реформ, которые должны были к 1990 году перестроить общество, сплотить все этнические общности, и создать «нового малазийца». Способом достижения этой цели стала Новая экономическая политика (НЭП). В 1974 году была создана коалиция Барисан насионал (Национальный фронт), которая объединила большинство политических партий страны [27, с. 29-33].

Новое правительство, под руководством Тун Абдул Разака, провозгласило проведение Новой Экономической Политики (НЭП) во многом для того, чтобы сократить уровень бедности среди малайцев. Майкл Пелетц, антрополог, являющийся экспертом по проблемам Юго-Восточной Азии, утверждает, что НЭП был мерой, направленной на «реструктурирование общества, с одной стороны, перекраивая традиционные материальные и символические связи между этническими общностями, с другой стороны, перестраивая их экономическое положение» [24, с. 245]. Эта политика реструктурирования общества включала в себя этническую и расовую политику, где малайцам были предоставлены специальные возможности. Пелетц считает, что таким образом «правительство старалось помочь малайцам (среди которых преобладало сельское население) догнать китайцев и индийцев, осуществляя распределение правительственных ссуд, субсидий и других возможностей (университетских званий, лицензий, кредитов и т. д.)» [14, с. 245]. Эта политика усилила взаимопонимание различий между малайцами и немалайским населением.

Политика правительства была направлена на то, чтобы увеличить численность малайцев среднего класса. Китайская община, несмотря на недовольство подобной политикой, не имея серьезных рычагов политического давления, вынуждена была согласиться с действиями правительства. В результате китайские бизнесмены стали больше работать

с малайцами, активнее вступать с ними в отношения. Эти отношения шутливо называли «партнерства Али-бабь». Малайцы могли учиться у китайских бизнесменов тонкостям торговли, в то время как китайские бизнесмены использовали в своих интересах сотрудничество с малайцами, расширяя свой бизнес [24, с. 246].

Успехи НЭП были очевидны. Уровень образования среди малайцев значительно вырос. За период с 1970-ых по 1993 годы численность малайцев, принадлежащих к среднему классу, возросла от 18 до 28 процентов. Число малайцев, проживающих в сельской местности, сократилось с 65,2 до 33,5 процентов [15, с. 30]. Но, несмотря на очевидные достижения НЭП, многие малайцы оставались недовольными этой политикой, поскольку она помогла далеко не всем, и привела к формированию двух классов малайцев: тех, кто извлек выгоду из НЭП и тех, кто ее не извлек. Среди недостатков НЭП можно отметить широко распространенную коррупцию и покровительство избранным фирмам и дельцам, исходящее от государственной власти, так называемый – *crony capitalism* (в переводе с английского – «капитализм закадычных друзей»), «капитализм для своих», «приятельский капитализм»). Этот термин давно и прочно прижился в международном политическом лексиконе и характеризовал собой феномен, получивший распространение и в других странах Юго-восточной Азии [1, с. 164-166].

Некоторые ученые справедливо отмечают, что недовольство малайцев НЭП питало исламское движение в Малайзии, всплеск которого приходится на 1970-ые годы. Исламское возрождение в Малайзии начинает формироваться на протяжении 1920-ых и 1930-ых годов, как инструмент распространения исламского национализма, выступающего за реформирование общества по мусульманским обычаям [18]. Всплеск исламского возрождения в Малайзии хронологически совпал с активизацией исламских движений на Филиппинах, в Индонезии, Египте, Ливии и Пакистане.

Одной из исламских групп стало Исламское Молодежное Движение Малайзии (ИМДМ) во главе с молодым Анваром Ибрагимом, позднее ставшим министром финансов Малайзии и заместителем министра, который был отправлен в отставку и заключен в тюрьму по обвинению в содомии. Отставку и арест министра инициировал Мохатхир Мохаммад, возложивший на него вину за тяжелые последствия азиатского финансового кризиса 1997 года для Малайзии. Большое влияние имела ПАС, которая боролась за превращение Малайзии в Исламское государство.

Ученые рассматривают исламское движение (даквах) в Малайзии как «мощный инструмент артикуляции моральной оппозиции правительственной политике развития, традиционным и формирующимся классовым структурам, другим этническим группам и прочим схожим явлениям, либо их комбинации» [24, с. 246]. Это движение изначально стремилось «вдохнуть новую жизнь в местный ислам и местное мусульманскую общину, активно поощряя изучение Корана и хадисов для воспроизведения более исламского образа жизни» [24, с. 246]. Кроме того, движение не только выступало против издержек НЭП, оно также сопротивлялось капиталистической модернизации Малайзии, считая этот путь подражанием Западу. Движение стало тревожным звонком для малазийского правительства, поскольку растущий мусульманский средний класс мог избрать для себя путь исламского возрождения.

Исламизм усиливал растущую враждебность между малайцами и немалайцами и в период НЭПа. Немалайцы чувствовали угрозу не только своему социально-экономическому положению, но и праву исповедовать свою религию. Как отмечает Роберт Хэфнер: «Поскольку правительство не рассматривало исламское движение как угрозу и не

предпринимало решительных мер борьбы против него, в обществе усиливался раскол между малайским и немалайским населением. Идейные лозунги исламского движения «отдавали» этническим шовинизмом, который укоренялся в межэтнических и межрелигиозных отношениях и усиливал социальную дистанцию между сообществами [15, с. 51].

Рост неравенства и напряженности между различными этническими сообществами подрывал политику реформ 1970-ых и 1980-ых годов, а создание к 1990 году «нового малазийца» за счет сплочения всех этнических общностей виделось очень отдаленной перспективой. Возможность сплочения народов для того, чтобы из множества культур создать гармонично развивающуюся нацию, мыслилась правительством посредством причастности всего населения Малайзии к идее общесоциального выбора в пользу национального единства, однако зачастую действия правительства в формировании «нового малазийца» воспринимались другими этническими группами, как стремление переплавить их в тигле малазийского (мусульманского) общественного устройства.

В 1981 году премьер-министром Малайзии становится доктор Махатхир Мохаммад, под руководством которого правительство предприняло меры, чтобы управлять исламским движением. В качестве одной из мер противостояния исламу правительство использовало свои программы исламизации, суть которых состояла в защите и пропаганде умеренного ислама в свете политики мультикультурализма. Кроме того правительство начинает институционализацию ислама, «основывая исламскую банковскую систему, способствуя проникновению ислама в административные структуры, и открыв Исламский Международный Университет» [13, с. 64]. ИМДМ вошло в ОМНО, перестав играть роль сильного союзника исламистов. Усилия правительства, подкрепленные бурным экономическим ростом, привели как к стабилизации ситуации внутри Малайзии, так и к медленному, но устойчивому пониманию значимости правительственного курса по укреплению национального единства для всего населения Малайзии независимо от расовой и религиозной принадлежности [5, с. 66-68].

На рубеже XX-XXI вв. Малайзия превращается в одну из самых развитых стран ЮВА. Несмотря на то, что азиатский экономический кризис 1997 года нанес удар по экономике и, следовательно, по благосостоянию людей, в Малайзии не было замечено насилия на этнической почве, которое имело место в соседней Индонезии.

Можно выделить следующие факторы, способствующие формированию этнического плюрализма и снижению уровня этнической напряженности:

1. Появление сильного среднего класса, как среди малайцев, так и среди немалайцев, привело к созданию образованного и в чем-то толерантного общества, способного идти на контакты с представителями разных этнических групп.

2. Новое жилищное строительство в городах, таких как Куала-Лумпур, Ипох, Джорджтаун и Джохор Бару привело к размыванию этнически однородных районов. Поскольку для горожан большое значение в процессах социальной мобильности имеют их группы интересов, а не традиционные связи [2, с. 112], то, таким образом, в городах начинает формироваться новое поколение малазийцев, ежедневно сталкивающееся с проявлениями мультикультурализма.

3. Реформа образования (после бунтов 13 мая 1969 года), создала более грамотное общество, поскольку школы перестали быть привилегией для богатых. Кроме того, школьники и студенты из разных этнических групп могли получить образование независимо от этнического происхождения. Двери китайских и индийских школ стали открыты для

малайцев, что позволило им изучать дополнительный язык или использовать в своих интересах лучшие возможности получения образования, предлагаемые в этих школах. Эти факторы способствовали формированию новых настроений внутри малазийского общества, пониманию социального единства населения страны, несмотря на религиозные и этнические барьеры [26, с. 107-108].

Отставка Мохатхира Мохаммада в 2003 году после 22-летнего управления страной ознаменовала собой конец важной эры малазийской политики. Правительство Мохатхира стремилось урегулировать межэтнические и межрелигиозные процессы, однако ему не удалось преодолеть рост исламского фундаменталистского движения. Мусульманский фундаментализм к тому времени приобрел глобальный характер, а его «малайский филиал» был косвенно связан с «Аль-Каидой».

Выступая с решительным осуждением исламского экстремизма, Махатхир Мохаммад привлек на свою сторону не только умеренных мусульман, которых большинство, но и представителей других этнических групп и конфессий. В результате ему удалось консолидировать свою политическую базу, подорванную в ходе парламентских выборов в конце 1999 года. Политическая стабилизация позволила провести ряд направленных на подъём экономики мер, невозможных в других условиях. Для Малайзии, сильно зависящей от внешней торговли, весьма существенным фактором на фоне ее антитеррористических действий и высказываний представителей власти стала нормализация отношений с основным торговым партнером – США [3, с. 38].

Для противостояния роста исламского фундаментализма в Малайзии правительство Бадави начало реализацию программ исламизации, которые должны были предотвратить негативные последствия исламского фундаментализма и в других мусульманских странах. Одним из наиболее примечательных шагов этих мероприятий стало введение концепции Цивилизованного Ислама (Ислам Хадхари). Эта концепция содержит десять принципов, которые призывали к физическому и духовному развитию на пути к экономическому, социальному и политическому прогрессу: 1. Вера и благочестие в Аллахе. 2. Правдивое и заслуживающее доверия правительство. 3. Свободные и независимые люди. 4. Мастерство знания. 5. Уравновешенное и всестороннее развитие. 6. Хорошее качество жизни. 7. Защита прав меньшинства и женщин. 8. Культурная и моральная целостность. 9. Защита окружающей среды. 10. Сильная обороноспособность.

Бадави подчеркивал, что цивилизованный ислам не является новой религией [22], но его целью является интеграция мусульман в современную экономику при сохранении их национально-культурной специфики. Концепция «распространяет терпимость и понимание, мир и спокойствие, и, разумеется, просвещение» [10]. По замыслу Бадави, цивилизованный ислам должен был предотвратить распространение исламского фундаментализма.

Политика Бадави дала неплохие результаты. Экономика оправилась от последствий азиатского экономического кризиса, коррупция находилась на небывало низком уровне [23]. Международный Исламский Университет Малайзии превращался в один из главных исламских вузов в мире, привлекал множество студентов из мусульманских стран.

Но в то же время существует опасность того, что концепция цивилизованного ислама создает дополнительную напряженность в отношениях между малайским и немалайским населением страны, поскольку немалайские сообщества опасаются того, что программы исламизации посягают на их собственные права. Бадави пришлось официально заявить, что цивилизованный ислам – это концепция, предназначенная

для мусульман и не посягающая на свободу совести, а, тем более, не противоречащая Конституции Малайзии. К тому же, принципы цивилизованного ислама, по заявлению Бадави, носят универсальный характер и могут быть применимы в любом обществе, невзирая на религиозную или этническую принадлежность. Цель концепции цивилизованного ислама – общественный прогресс, затрагивает интересы всего населения Малайзии [22].

Правительство Бадави, таким образом, выступило на позициях умеренного ислама. Принципиальная позиция умеренных мусульман состоит в том, что правовые нормы шариата должны применяться на практике выборочно и на сугубо добровольной основе, без вторжения в личную жизнь. Религиозность не сочетается автоматически со слишком жесткой приверженностью канонам шариата. Для умеренных мусульман нет будущего в том обществе, которое является идеалом фанатичных исламских ортодоксов [3, с. 37].

Между тем, поборники радикального ислама настаивают на строгом соблюдении всех канонов шариата и на оценке всех событий общественной жизни только через его призму. Хотя приверженцы подобных взглядов не составляют большинство мусульман, все-таки стоит отметить, что в Малайзии решение религиозных вопросов находится в плотной привязке к сложным этнической и политической ситуациям. Кроме того, в Малайзии растет беспокойство среди мусульман, особенно среди клерикалов, что религиозный плюрализм может разрушить принципы ислама [20].

С другой стороны, индийская и китайская общины болезненно относятся к действиям правительства, которые, по их мнению, нарушают их права. Не так давно, во время запланированного разрушения незарегистрированных индуистских храмов в Куала-Лумпуре, полиции пришлось прибегнуть к насильственным действиям против выступающих индусов. Действия малазийского правительства осудили не только малазийские индусы, но также индусы всего мира [25]. Один из источников малазийской оппозиции заметил «правительство разрушает [индуистские] храмы, потому что они могут позволить себе сделать это по отношению к индусам ..., мы никогда не слышали о мечети, разрушенной в интересах общественного развития» [11].

В XXI веке Малайзию сложно однозначно назвать государством религиозного плюрализма. Главная проблема, с которой сталкивается правительство и население страны – сумеет ли Малайзия – полиэтническая страна, решить проблемы межэтнического и межрелигиозного взаимодействия в эпоху глобализации всех форм религиозного фундаментализма.

Во многом благодаря политике правительства, сумевшего преодолеть негативные последствия кризиса 1997 года, в Малайзии не произошло столкновений на этнической почве, подобных тем, которые имели место в Индонезии. Возможно, что отсутствие уже на протяжении 40 лет ярко выраженного проявления этнической нетерпимости, а тем более открытых насильственных действий – это показатель зрелости малазийского общества. Майкл Хейм, христианский теолог, отмечает: «Позитивное отношение малазийцев к религиозной и этнической гармонии, коренится в двух факторах. Первый – малазийцы понимают, что мир, которым они наслаждаются, хрупок. После обретения страной независимости в 1957 году, многие предсказывали гражданскую войну на расовой или религиозной почве, а коммунистический мятеж был подавлен в результате ожесточенных боев. Второй фактор – малазийское экономическое чудо. Будучи одним из азиатских «тигров» наряду с Сингапуром, Гонконгом, Южной Кореей и Тайванем, Малайзия понимала,

что экономическое развитие снижает этническую напряженность. И все население страны понимает, что этнический конфликт мог полностью изменить существующую действительность, отпугнуть иностранные инвестиции, туристов и многонациональные корпорации, которые с таким трудом привлекались» [16].

В настоящее время кабинет Наджиб Тун Разака продолжает поддерживать курс создания «нового малазийца», что сопряжено с необходимостью для политического руководства Малайзии решать этнорелигиозные противоречия внутри страны, без решения которых невозможна активизация деятельности полиэтничного государства международной арене.

Литература

1. Барышникова О. Г. Как делать деньги. Деловая элита Филиппин. М.: Прогресс, 1996. 214 с.
2. Вагин В. В. Городская социология. М.: МОНФ, 2000. 243 с.
3. Гусев М. Ислам в Юго-Восточной Азии: новые аспекты проблемы // Азия и Африка сегодня, 2003, N11. С. 35-41.
4. Конституция Малайзии // [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/article/54> [Дата обращения – 16. 01. 2009 г.].
5. Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет // Азия и Африка сегодня, N 5, 2001. С. 66-68.
6. Тюрин В. А. История Малайзии: Краткий очерк. М: Наука, 1980. 198 с.
7. Ampalavanar Rajeswary. The Indian Minority and Political Change in Malaya 1945-1957. London: Oxford University Press, 1981. 342 p.
8. Arokiaswamy Celine W. M. Tamil Influences in Malaysia, Indonesia, and the Philippines. Manila, 2000. Pp. 37, 38, 41, 43, 45–49, 51–57.
9. Asian language family tree. Ethnologue. Retrieved on 2008-02-12. Aboriginal Malay language family tree. Ethnologue. Retrieved on 2008-02-12 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=ML [Дата обращения – 03. 04. 2009 г.].
10. Badawi Abdullah A. Islam Hadhari and Good Governance. Speech given at Victoria University, Wellington, New Zealand. 31 March 2005 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pmo.gov.my/WebNotesApp/PMMain.nsf/0/d33361f0890dd06548256fe700190019?OpenDocument> [Дата обращения – 16. 05. 2009 г.].
11. Bukhari Z. Temple demolition stokes Malaysian tensions // Asia Times Online. July 11, 2006 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/HG11Ae01.html [Дата обращения – 11. 05. 2009 г.].
12. CIA. The World Factbook. Malaysia // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/my.html> [Дата обращения – 24. 03. 2009 г.].
13. Embong A. R. The Culture and Practice of Pluralism in Postcolonial Malaysia // The Politics of Multiculturalism, edited. by R. W. Hefner, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 416 p.
14. Ganguly Sumit, Ethnic Politics and Political Questions in Malaysia and Singapore. Hodder and Stoughton Limited, London, 1976. 223 p.
15. Hefner R. W. Introduction: Multiculturalism and Citizenship in Malaysia, Singapore, and Indonesia // The Politics of Multiculturalism, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 492 p.
16. Heim S. Mark. A Different Kind of Islamic State // The Christian Century.

October 5, 2004 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religion-online.org/showarticle.asp?title=3136> [Дата обращения – 11. 04. 2009 г.].

17. Heng P. K. Chinese Responses to Malay Hegemony in Peninsular Malaysia (1957-1996)// Cultural Contestations: Mediating Identities in a Changing Malaysian Society, ed. By Z. Ibrahim, Asean Academic Press, London, 1998. P. 63-78.

18. Ibrahim Zawawi. Globalization and National Identity: Managing Ethnicity and Cultural Pluralism in Malaysia// Asia Pacific Center for Security Studies (APCSS)// [Электронный ресурс]. URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/GrowthGovernance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_GrowthGovernancech9.pdf [Дата обращения – 17. 05. 2009 г.].

19. Joshua Project// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.joshuaproject.net/countries.php> [Дата обращения – 26. 03. 2009 г.]

20. Mustapha M. Mufti: Beware of Pluralism and Liberalism//The Star Online. June 13 2006 // [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/6/13/nation/14517183&sec=nation> [Дата обращения – 18. 03. 2009 г.].

21. Ongkili James R. National-building in Malaysia 1946-1974. Oxford Univ. Press, 1985.

22. Pak Lah. Islam Hadhari not a new religion or order// The Star Online, July 25 2006// [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/7/25/nation/14927885&sec=nation> [Дата обращения – 22. 04. 2009 г.].

23. Parkaran K. PM: Muslim Nations Must Check Corruption //The Star Online, May 14 2006 // [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/5/14/nation/14239323&sec=nation> [Дата обращения – 16. 05. 2009 г.].

24. Peletz M. G. Islam and the Cultural Politics of Legitimacy: Malaysia in the Aftermath of September 11 // Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization, ed. by R. W. Hefner, Princeton University Press, Princeton., 2005. Pp. 240-272.

25. Press Trust of India. Malaysia to showcase houses of worship //The Hindustan Times. February 20, 2006 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.hindustantimes.com/news/181_1630588,0011.htm [Дата обращения – 19. 04. 2009 г.].

26. Shamsul A. B. Anthropology and the politics of identity and nation-state formation in Southeast Asia, 1999. Paideuma 45: 103-14.

27. The National Operations Council of Malaysia, 1969, the May 13 Tragedy. The governmental press of Malaysia, Kuala Lumpur, 1969. 116 p.